Ф. В. Фарраръ.

Д-ръ богословія, членъ Королевскаго Общества, Деканъ Кентерберійскій, Духовникъ Е. В. Королевы Викторіи.

ЖЕНЩИНЫ У ДОМАШНЯГО ОЧАГА.

(WOMAN'S WORK IN THE HOME).

1 Дочери. 2 Жёны. 3. Матери.

Переводъ съ англійскаго

М. Ловцовой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе В. И. Губинскаго.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Ноября 17-го дня 1895 г.

Типографія Дома Призр. Малолѣтн. Бѣдныхъ. Лиговск. ул., 26.

Глава I.

ДОЧЕРИ.

Въ Св. Писаніи приводится слѣдующая трогательная притча, съ которою пророкъ Наѳанъ обратился къ царю Давиду съ цѣлью пробудить его, заглохнувшую подъ тяжестью непокаяннаго грѣха, совѣсть:

«Въ одномъ городѣ было два человѣка, одинъ богатый и другой бѣдный; у богатаго было очень много мелкаго и крупнаго скота, а у бѣднаго ничего, кромѣ одной овечки, которую онъ купилъ маленькую и выкормилъ, и она выросла у него вмѣстѣ съ дѣтьми его; отъ хлѣба его она ѣла и изъ чаши пила и на груди у него спала, и была для него, *какъ дочь;* и пришелъ къ богатому человѣку странникъ, и тотъ пожалѣлъ взять изъ своихъ овецъ или воловъ, чтобы приготовить (обѣдъ) для стран-

ника, который пришелъ къ нему, и взялъ овечку бѣдняка и приготовилъ ее для человѣка, который пришелъ къ нему». Сильно разгнѣвался Давидъ на этого человѣка и сказалъ Наѳану: «живъ Господь! достоинъ смерти человѣкъ сдѣлавшій это; и за овечку онъ долженъ заплатить вчетверо, и за то, что не имѣлъ сострадянія (II кн. Царствъ, гл. 12).

Въ своихъ словахъ: «Овечка была для него какъ дочь», пророкъ очевидно указываетъ на то, что привязанность отца къ дочери есть одна изъ самыхъ нѣжныхъ и сладостныхъ родственныхъ привязанностей. Дѣйствительно, дочери въ домѣ олицетворяютъ собою какъ-бы самое сокровенное звено семейнаго очага. Правда, что, по выходѣ замужъ, дочери покидаютъ родительскій кровъ, но до замужества онѣ, болѣе нежели сыновья, находятся подъ руководствомъ отца и на попеченіи матери. Большинство молодыхъ дѣвушекъ даже и въ наше время, когда воспитаніе женщинъ столь значительно расширилось, все-таки получаетъ первоначальное нравственное и умственное развитіе въ семейномъ кругу. Юноши, со времени поступленія ихъ въ школу, часто въ возрастѣ 8—9-ти лѣтъ, только праздники проводятъ дома; большую же половину школьной жизни (обыкновенно три четверти каждаго года) они проводятъ вдали отъ семейнаго очага. Такимъ образомъ, обаяніе семейныхъ связей можетъ поддерживаться лишь только посредствомъ еженедѣльной переписки съ родителями, причемъ школьныя письма юношей обыкновенно состоятъ изъ набора наскоро набросанныхъ короткихъ фразъ. Другое дѣло молодыя дѣвушки: онѣ поступаютъ въ учебныя заведенія въ болѣе зрѣломъ возрастѣ и остаются въ нихъ сравнительно меньшее число лѣтъ, нежели юноши. Семейный очагъ, слѣдодовательно, будучи иногда, можетъ быть, единственнымъ пристанищемъ молодыхъ дѣвушекъ въ теченіи всей ихъ жизни, становится для нихъ какъ-бы центромъ нравственнаго, духовнаго и умственнаго міросозерцанія въ несравненно большей степени, нежели для юношей. Что же касается школьной переписки дочерей съ ихъ домочадцами, то родительскій опытъ прямо указываетъ на фактъ, что письма дочерей отличаются всегда большею обстоятельностью и проникнуты большею нѣжностью, нежели письма сыновей; причемъ дочери ощущаютъ потребность чаще посылать письма домой. Вообще дочери болѣе льнуть къ своимъ домочадцамъ, беззавѣтно подчиняя себя родительской власти.

При вступленіи молодыхъ дѣвушекъ въ бракъ, узы, съ родительскимъ домомъ, повидимому расторгаются въ болѣе рѣзкой степени, нежели когда женятся сыновья. Припом-

нимъ слова Псалмопѣвца: «Слыши, дщерь, и смотри, и приклони ухо твое и забудь народъ твой и домъ отца твоего. И возжелаетъ Царь красоты твоей; ибо Онъ Господь твой; и ты поклонись ему».

Мнѣ кажется, однако, что въ дѣйствительности можно почти утвердительно сказать, что дочери, выходя замужъ, отнюдь не больше, а, наоборотъ, гораздо меньше, чѣмъ сыновья, вступающіе въ бракъ, обрываютъ связи съ прежнимъ дорогимъ ихъ сердцу домашнимъ очагомъ. Если же между двумя семействами, по несчастью, возникнутъ ссоры, непріязненныя отношенія, возбуждаемыя иногда корыстными мотивами, то естественно, что женщины становятся на сторону своихъ мужей, а не родителей, хотя бы даже нѣжно любимыхъ ими.

Изъ исторіи намъ извѣстно множество фактовъ, когда дочерямъ приходилось дѣлать этотъ тяжелый выборъ. Въ одинадцатой главѣ книги пророка Даніила (6 стихъ) сказано: «Дочь южнаго царя (египетскаго) придетъ къ царю сѣверному (сирійскому), чтобы установить правильныя сношенія между ними». Здѣсь подразумѣвается бракъ дочери египетскаго царя Птоломея II (Филадельфа) Береники съ Антіохомъ II (Θеосомъ) изъ династіи Селевкидовъ; но въ этомъ случаѣ, какъ и въ бракѣ Клеопатры, дочери Антіоха Великаго, съ Птоло-

меемъ Эпиѳаномъ (Пр. Даніилъ, XI, 17) рознь интересовъ двухъ семействъ противодѣйствовала возстановленію мира между соперниками—царями.

Фактомъ, подтверждающимъ вышесказанное, можетъ служить примѣръ изъ болѣе современной исторіи, о которомъ намъ напоминаетъ могила Елизаветы Клейполь въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, наглядно указывая на то, что въ политическихъ вопросахъ жены становятся скорѣе сторонницами своихъ мужей, а не родителей. Въ силу жестокаго парламентскаго акта, по которому партійная месть простиралась даже на умершихъ, были разрыты могилы двадцати-шести великихъ приверженцевъ Кромвеля и прахъ погребенныхъ былъ брошенъ въ общую яму при церкви Св. Маргариты. Но было сдѣлано исключеніе изъ этого постановленія въ пользу праха дочери Кромвеля—Елизаветы Клейполь. Такимъ образомъ правительство не пощадило могилы ни самого Кромвеля, ни Брадшау, Иртона, ни величайшаго изъ англійскихъ мореплавателей—адмирала Блэка, историка Томаса Мэя, ни даже прахъ престарѣлой матери Кромвеля, умершей на 92-мъ году жизни, но сдѣлало распоряженіе, чтобы не тревожили прахъ Елизаветы Клейполь лишь потому, что она, раздѣляя убѣжденія своего мужа, проявила сочувствіе роялистамъ и даже, какъ говорятъ,

горько упрекала отца за совершенную имъ казнь Карла I-го.

Къ счастію, однако, подобная рознь интересовъ и убѣжденій встрѣчается рѣдко въ жизни и замужнія дочери, въ большинствѣ случаевъ, вмѣстѣ съ ихъ мужьями и дѣтьми бываютъ самыми желанными гостями въ родительскомъ домѣ. Поэтъ Теннисонъ въ своемъ стихотвореніи: „In Memoriam" прекрасно развиваетъ мысль, что съ выходомъ дочери замужъ она не порываетъ связи съ родительскимъ домомъ: «Какъ часто извѣстія о молодой женщинѣ, покинувшей семейный очагъ, вселяютъ радость въ сердцахъ всѣхъ оставшихся въ родительскомъ домѣ. Какъ радостны свиданія съ нею, когда она навѣщаетъ ихъ въ старомъ домѣ; съ гордостью показываетъ она своего младенца и заставляетъ всѣхъ восхищаться имъ; она такъ любовно всѣхъ ласкаетъ, что даже и тѣ, которые всего больше оплакивали свою любимицу, принуждены сознаться, что все случилось къ лучшему и радуются вмѣстѣ съ нею выпавшему ей на долю счастью».

Итакъ, если даже съ замужествомъ дочерей не обрывается ихъ тѣсная связь съ родительскимъ кровомъ, то какъ благодѣтельна, какъ обширна дѣятельность тѣхъ дочерей, которыя не покидаютъ этого крова ради любимаго ими человѣка, а, по какимъ-либо обстоятельствамъ

оставшись въ дѣвушкахъ, посвящаютъ всю свою жизнь родителямъ и семейству. По мѣрѣ того какъ старѣетъ отецъ, онѣ могутъ окружить его своими попеченіями, услаждать его жизнь и содѣйствовать его благосостоянію; точно также онѣ могутъ избавить его отъ непосильныхъ трудовъ, взявши долю ихъ на себя, и вообще стараться развлечь его во время безотрадной старости. Дочери тѣмъ болѣе могутъ служить опорой матерямъ по мѣрѣ приближенія старости, принявъ на себя управленіе домомъ; могутъ успокоить свою мать, раздѣляя ея заботы и ухаживая за той, которой онѣ обязаны столь многимъ. Въ особенности же благотворна роль дочери въ домѣ овдовѣвшаго отца или овдовѣвшей матери; если дочь еще живетъ подъ родительскимъ кровомъ, то въ такомъ случаѣ она положительно незамѣнима и становится главнымъ центромъ, вокругъ котораго вращаются всѣ остальные члены семейства. Беранже прекрасно охарактеризовалъ роль оставшихся въ дѣвушкахъ, избравъ слѣдующую эпитафію для надгробнаго памятника одной такой особы: «Ей не пришлось извѣдать счастья быть матерью, но многіе юноши свято чтятъ память о ея чисто материнскихъ попеченіяхъ объ нихъ». Этою эпитафіею рѣзко опровергается мнѣніе, что незамужняя женщина обречена на безполезную и безцѣльную жизнь; наоборотъ,

такая женщина можетъ служить величайшимъ утѣшеніемъ для своихъ родителей и оказать неоцѣненныя услуги своимъ братьямъ, сестрамъ, племянникамъ и племянницамъ; она находитъ въ семейномъ кругу готовое поле обширной дѣятельности, которая, разростаясь все болѣе и болѣе, можетъ простираться до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Когда же благость Господня съ самыхъ раннихъ лѣтъ проникаетъ въ души молодыхъ дѣвушекъ, то сколь благотворна дѣятельность ихъ даже и въ такъ называемой узкой сферѣ домашняго круга. Для этой дѣятельности ей нѣтъ надобности быть ученой; достаточно того, если она обладаетъ природнымъ даромъ обходительности и снисходительности — качествами, которыя, въ сущности, ничто иное какъ сочувствіе къ ближнему и желаніе придти ему на помощь; если дѣвушка обладаетъ такими качествами, то этого вполнѣ достаточно, чтобы она стала настоящею благодѣтельницею для всего семейства. Часто мы замѣчаемъ, что въ нѣкоторыхъ семействахъ у прислугъ, напр., бываютъ свои любимцы, къ которымъ они питаютъ особенную привязанность; они говорятъ: «намъ пріятно угодить тому-то или той-то, потому-что они такіе обходительные и ласковые». Любовь дочери къ родителямъ можно сравнить съ благодѣтельною росой, падающей на засохшую

почву; младшія ея сестры дѣлаются разумнѣе, добрѣе и счастливѣе подъ вліяніемъ подаваемаго ею примѣра; своимъ вліяніемъ она точно также содѣйствуетъ образованію характера у своихъ братьевъ и общему благосостоянію ихъ.

Въ исторіи, какъ и въ области поэзіи и беллетристики, мы постоянно встрѣчаемъ указанія на сестриную привязанность и на благотворное вліяніе сестеръ по отношенію къ своимъ братьямъ. Въ жизни часто случается, что братья повѣряютъ сестрамъ такія тайны, которыя они не дерзнули-бы открыть отцу и матери; часто сестры своимъ вліяніемъ спасали своихъ братьевъ отъ послѣдствій роковыхъ ошибокъ и предостерегали ихъ отъ опасностей. Знаменитая романистка Джорджъ Эліотъ описываетъ намъ свою безграничную привязанность къ брату; эта любовь была поэзіею ея юношескихъ лѣтъ. Она описываетъ подобную же страстную сестриную привязанность въ своемъ романѣ: «Мельница на Флоссѣ», а также прославляетъ эту любовь въ стихахъ: «Какъ часто мысль моя витаетъ около того времени, когда мы росли какъ два, едва распустившіеся, цвѣтка на одной вѣткѣ. Братъ былъ немного старше меня; онъ былъ юноша ростомъ не болѣе четырехъ футовъ, но уже мужчина! Я же, болѣе слабое существо и подчиненная его

волѣ, старалась не отставать отъ него въ нашихъ играхъ, примѣняясь къ его широкимъ шагамъ и подчиняясь его требованiямъ... Ахъ! если бы мнѣ было дано пережить свою молодость, то я бы лучшаго не желала, какъ опять стать подъ его власть и быть для него опять той маленькой сестрой, которую онъ иногда такъ жестоко тиранилъ!»

Эта же романистка рисуетъ намъ прелестную картину дочерней любви въ романѣ «Ролла», гдѣ героиня самоотверженно ухаживаетъ за своимъ слѣпымъ отцомъ и помогаетъ ему въ его трудахъ. Мы знаемъ, что поэтесса Елизавета Браунингъ была подобною же преданною дочерью своего престарѣлаго отца; таковою же была и поэтесса Аделаида Проктеръ. Эта послѣдняя въ своихъ стихахъ начертала трогательный и прелестный образъ дѣвушки, пожертвовавшей личнымъ счастьемъ ради брата, который даже не хотѣлъ признать сколькимъ онъ ей обязанъ и обрекъ ее на одинокую и безотрадную жизнь ради внезапно вспыхнувшей любви къ случайно встрѣченной имъ дѣвушкѣ.

Въ исторiи научныхъ изслѣдованiй вѣчно сохранится память о Каролинѣ Гершель, которая съ неутомимой преданностью трудилась, въ теченiе многихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ своимъ знаменитымъ братомъ, сэромъ Вилльямомъ Гершелемъ. Она ухаживала за нимъ въ то время какъ онъ полировалъ зеркальныя стекла для своихъ изслѣдованiй, и, по ея собственнымъ словамъ, принуждена была «класть ему куски пищи прямо въ ротъ, чтобы сколько-нибудь поддержать его силы». Въ декабрѣ 1783 г. она всецѣло отдалась тяжелой обязанности помогать ему при его научныхъ изслѣдованiяхъ; ея участiе въ его трудахъ стало необходимымъ условiемъ ихъ успѣшности. Она работала съ нимъ по ночамъ непрерывно, вплоть до разсвѣта; она не только слѣдила за его часовыми приборами и дѣлала отмѣтки о его изслѣдованiяхъ, но производила всѣ необходимыя весьма сложныя вычисленiя, сопряженныя съ его изслѣдованiями. Въ перiодъ времени съ 1785 и по 1797 г., она самостоятельно открыла восемь кометъ, изъ числа которыхъ пять неоспоримо были впервые открыты именно ею. Она отличалась вообще самою безкорыстною преданностью брату; современница ея — г-жа Д' Арбле описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «она была очень мала ростомъ, очень кроткаго нрава, очень скромна и необычайно умна.»

Ничто такъ не поражаетъ насъ въ лѣтописяхъ исторiи какъ свидѣтельства о неблагодарности и безсердечiи дочерей къ ихъ родителямъ. Къ счастью, такихъ примѣровъ немного;

между этими немногими примѣрами, однако, мы, къ сожалѣнію, принуждены отмѣтить отношенія двухъ старшихъ дочерей Мильтона —Маріи и Анны къ ихъ знаменитому отцу; третья дочь его—Дебора, очевидно, была сердечнѣе своихъ сестёръ и горько оплакивала смерть отца.

Весьма вѣроятно, впрочемъ, что наслѣдственность играла не послѣднюю роль во всѣхъ плачевныхъ обстоятельствахъ, выпавшихъ на долю этого злополучнаго семейства. Извѣстно, что Мильтонъ сочетался первымъ бракомъ съ миссъ Пауэль, дочерью разорившагося служаки временъ Карла I, отличавшагося жестокимъ, неукротимымъ характеромъ. Было бы трудно выбрать болѣе неподходящую хозяйку, которая должна была главенствовать надъ скромнымъ строго пуританскимъ семействомъ. Существуютъ данныя, свидѣтельствующія о томъ, что она обходилась съ Мильтономъ самымъ жестокосерднымъ образомъ и хотя онъ, при своемъ безграничномъ великодушіи, простилъ ей ея выходки и дурное поведеніе, разрѣшивъ ей вернуться въ свой домъ и даже пріютивъ ея разорившихся и опозоренныхъ родственниковъ, но едва-ли союзъ съ нею принесъ ему хотя бы нѣкоторую долю счастья. Дочери, повидимому, унаслѣдовали крутой нравъ матери. Правда, что самъ Мильтонъ, съ своей стороны,

слишкомъ мало заботился объ умственномъ развитіи этихъ легкомысленныхъ дѣвушекъ, несмотря на то, что именно только одинъ онъ изъ двухъ родителей и могъ заняться ихъ образованіемъ. Его понятіе, однако, о томъ, чѣмъ должна быть идеальная женщина и объ идеальномъ супружескомъ счастьѣ извѣстно намъ по его описанію Евы: (Потерянный Рай).

«Во взорахъ ихъ сіялъ и отражался
«Всеславнаго Создателя ихъ образъ.
«И истина, и разумъ, и святая,
«Покорная любовь дѣтей къ отцу—
«Покорная, но вольная—что людямъ
«Могущество одно лишь придаетъ.
«Однако, та чета была неравной,
«Какъ былъ неравенъ самый полъ ея.
«*Онъ* созданъ былъ на мощь и созерцанье,
«*Она*—на чары нѣжныя и прелесть;
«*Онъ* созданъ былъ единственно для Бога,
«*Она*—для Бога, въ образѣ *его*.
«Его чело высокое и взоры
«Являли власть верховную, а кудри,
«Темнѣе гіацинта, ниспадали
«Съ пробора вровень съ мощными плечами.
«У ней, до самыхъ легко-стройныхъ чреслъ,
«Покровомъ пали золотыя пряди
«Волосъ волнистыхъ, сладострастно мягкихъ,
«Какъ завитокъ весенній винограда.

«Зависимость они обозначали,
«Но обоюдно-признанную, впрочемъ,
«Зависимость, къ которой власть и сила
«Тѣмъ легче и нѣжнѣе относились,
«Чѣмъ болѣе встрѣчали и отпора,
«И гордости въ уклончивости скрытной.

Мильтонъ обожалъ свою вторую жену и въ сонетѣ, посвященномъ «женѣ, слишкомъ рано похищенной смертью,» слышатся слезы отчаянія. Когда онъ уже состарился и ослѣпъ, онъ женился въ третій разъ, по выбору его друга д-ра Пэджета, на Елизаветѣ Миншуль. Эта особа была гораздо моложе Мильтона; она отличалась тихимъ нравомъ и держала себя съ достоинствомъ; упоминая о ней при послѣднемъ свиданіи съ своимъ братомъ, Мильтонъ хвалилъ ее, выражалъ свою любовь къ ней, но она была не въ силахъ переносить сообщество его дочерей и сестры его первой жены. Она весьма разумно совѣтовала Мильтону «отдать ихъ всѣхъ въ ученіе, чтобы онѣ могли научиться какому-либо искусству или рукодѣлью, напр., искусству вышивать золотомъ или серебромъ.»

Трудно понять и объяснить неестественную вражду дочерей Мильтона къ ихъ отцу, который глубоко страдалъ отъ постоянныхъ семейныхъ непріятностей. Дочери обирали и обманывали его и даже похищали и продавали его книги, причиняя ему болѣе сильныя нравственныя страданія, чѣмъ самая его слѣпота. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ оставилъ своимъ дочерямъ только то имущество, которое принесла въ приданное ихъ мать, «такъ какъ, по его словамъ, дочери были весьма непочтительны и непокорны». Подобное мнѣніе о нихъ онъ высказалъ также своему брату, прибавивъ при этомъ, что третья его жена была добра къ нему и нѣжно заботилась объ немъ. Можно найти нѣкоторое извиненіе, но, разумѣется, не оправданіе, непокорности дочерей Мильтона, если принять во вниманіе фактъ, что имъ приходилось, напр., читать ему вслухъ различныя сочиненія на языкахъ, которымъ ихъ не учили, такъ какъ Мильтонъ придерживался мнѣнія, что женщинамъ, при ихъ природной наклонности къ болтовнѣ, совершенно достаточно знать въ совершенствѣ одинъ какой-либо языкъ. Очень вѣроятно, что молодыя дѣвушки тяготились одинокой, суровой жизнью, какую онѣ принуждены были вести, будучи окружены ненавистными для нихъ книгами. Невольно зарождается мысль, что разочарованія, испытанныя Мильтономъ въ домашнемъ быту, отразились въ его стихахъ: «Всѣ эти чудныя созданія казались богинями, до того они были преисполнены красотой и чарующимъ весельемъ, но въ нихъ отсутствовало именно то достоинство, которое составляетъ

лучшее украшеніе женщины и лучшую ея заслугу; онѣ умѣли только завлекать своими плотскими чарами, пѣть, танцовать, наряжаться, болтать и бросать вызывающіе взгляды».

Перехожу въ заключеніе къ образцовому типу любящей дочери, имя которой навсегда сохранится въ англійской исторіи въ связи съ именемъ ея знаменитаго отца. Я говорю о любимой дочери сэра Томара Моруса—Маргаритѣ Роперъ.

Существуетъ мнѣніе, что ученость и высшее развитіе умственныхъ способностей у дѣтей будто умаляетъ ихъ чувства любви и преданности къ семейному очагу и къ родителямъ. Историческіе факты, однако, не подтверждаютъ этого мнѣнія. Такъ, напр., тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Маргаритѣ Роперъ, служатъ опровerженіемъ вышесказаннаго: она была одною изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ любящею и преданнѣйшею дочерью. Ея знанія древнихъ языковъ, въ особенности латинскаго языка, которымъ она владѣла въ совершенствѣ, возбуждало восторгъ и удивленіе даже такихъ знатоковъ какъ кардиналъ Поль. Извѣстенъ написанный ею по латыни трактатъ «о четырехъ важнѣйшихъ предметахъ». Трактатъ на ту же тему, написанный ея отцомъ — англійскимъ канцлеромъ, столь

прославившимся своею ученостью, ставился имъ самимъ по достоинству ниже трактата его дочери. Она была столь образована, что могла поддерживать съ отцомъ диспуты о важнѣйшихъ вопросахъ богословія и политики.

Въ англійской исторіи существуетъ еще одинъ яркій примѣръ того, что ученость вовсе не служитъ помѣхою къ проявленію любви къ домашнему очагу; этотъ примѣръ являетъ собою лэди Дженъ Грей. Она была до такой степени предана изученію науки, что, по свидѣтельству ея учителя Роберта Ашама, будучи шестнадцати-лѣтней дѣвушкой, предпочитала играмъ и развлеченіямъ окружавшей ее молодежи изученіе Платонова «Федры». Въ то же время она могла служить примѣромъ дочерней покорности и безграничной преданности жены къ мужу, не смотря на то, что ея родители, придерживаясь системы воспитанія того времени, обращались съ нею съ поразительной суровостью. Историкъ Фуллеръ справедливо замѣчаетъ, что герцогъ и герцогиня Суффолкскіе «обращались съ нею строже, нежели того требовалъ кроткій нравъ ихъ очаровательной и талантливой дочери, которая, будучи тринадцатилѣтней дѣвушкой, писала сочиненія на греческомъ языкѣ»; когда же ей минуло пятнадцать лѣтъ, то она изучила древне-еврейскій языкъ, знала также итальянскій и французскіе языки;

вела переписку съ ученымъ Бюллингеромъ и въ то же время въ совершенствѣ исполняла всевозможныя рукодѣльныя работы и обладала талантомъ къ изящнымъ искусствамъ. Робертъ Ашамъ въ своей книгѣ: «Школьный учитель» приводитъ ея собственный разсказъ объ обращеніи съ нею ея родителей: «Когда я нахожусь въ обществѣ отца или матери, говорю-ли я, молчу-ли, сижу, стою, ѣмъ-ли или пью, бываю весела или грустна, занимаюсь-ли рукодѣльемъ, музыкою или танцами, однимъ словомъ, чѣмъ-бы я ни занималась, то отъ меня требуется, чтобы я все дѣлала въ совершенствѣ и съ точностью, соблюдая какъ-бы мѣру, вѣсъ и число каждой вещи, съ которою я обращаюсь; если же мнѣ это не удается, то на меня сыпятся упреки за невѣжество или же угрожаютъ наказаніями; даже подвергаютъ тѣлеснымъ наказаніямъ, о которыхъ я здѣсь умолчу изъ уваженія къ моимъ родителямъ. Все это столь тягостно для меня, что я иногда чувствую себя какъ-бы въ аду».

Возвращаясь къ упомянутой выше Маргаритѣ Роперъ, приведемъ нѣкоторыя трогательныя историческія данныя, которыми обрисовываются ея отношенія къ отцу: «Послѣ того, какъ сэръ Томасъ Морусъ пробылъ около мѣсяца въ тюрьмѣ Лондонскаго Тоуера, гдѣ онъ жилъ спокойно и не теряя обычной бодрости

духа, дочь его Маргарита, сильно стосковавшись по немъ, добилась, послѣ усердныхъ и долгихъ ходатайствъ, разрѣшенія видѣться съ нимъ; при этомъ свиданіи они сперва помолились, а потомъ отецъ сказалъ ей: «Мнѣ сдается, Магги, что люди, которые засадили меня сюда, воображали, что они жестоко наказываютъ меня, но увѣряю тебя, милая моя дочь, что если бы не твоя мать и не забота о васъ, моихъ дорогихъ дѣтяхъ, забота, которую я считаю за первѣйшую мою обязанность въ этой жизни, то я давно самовольно удалился бы въ подобную темницу или въ еще болѣе тѣсную, нежели эта».

Далѣе приводимъ описаніе послѣдняго прощанія отца съ дочерью словами правнука канцлера: «Когда сэръ Томасъ Морусъ былъ приведенъ къ пристани близъ Лондонскаго Тоуера, то горячо любимая имъ дочь его, тетка моя Маргарита Роперъ, увлеченная страстнымъ желаніемъ увидать его и получить его послѣднее благословеніе, бросилась къ нему навстрѣчу; опустившись на колѣни, она сначала испросила благословеніе у отца, а потомъ бросилась въ его объятія, не помышляя о себѣ, расталкивая громадную толпу и военную стражу, которая оберегала его пиками и алебардами; обнявъ отца на глазахъ всей громадной толпы, она цѣловала его, сжимая его голову въ своихъ

объятіяхъ; обезсиливъ отъ горя и волненія, она могла только проговорить: «Отецъ мой! Дорогой отецъ!» Онъ былъ невыразимо тронутъ такимъ дорогимъ его сердцу проявленіемъ любви дочери къ нему, и, благословляя ее, успокоивалъ тѣмъ, что какія-бы страданія ни предстояло ему претерпѣть, безъ всякой съ его стороны вины, то на то воля Господня, и что поэтому онъ совѣтуетъ ей покориться велѣнію Святаго Провидѣнія и терпѣливо переносить предстоящую разлуку съ нимъ. Затѣмъ она была вынуждена разстаться съ отцомъ; но едва она, убитая горемъ, удалилась шаговъ на десять, какъ неудовлетворенная своимъ прощаніемъ съ нимъ, какъ бы въ полномъ отчаяніи отъ потери страстно любимаго отца, она, не взирая на напоръ толпы, съ полнымъ самозабвеніемъ, вернулась къ нему и упала въ его объятія; обвивъ его шею руками она осыпала его своими поцѣлуями. Отецъ не произнесъ ни одного слова; лицо его сохранило прежнее спокойное выраженіе, но слезы струились по его щекамъ; всѣ присутствовавшіе были такъ потрясены этимъ трогательнымъ зрѣлищемъ, что немногіе изъ толпы могли воздержаться отъ слезъ. Наконецъ, ее силой исторгли изъ объятій отца и ей пришлось удалиться отъ мѣста казни».

За день передъ казнью сэръ Томасъ Морусъ написалъ дочери нѣсколько словъ углемъ,

такъ какъ ему запрещено было давать чернила и бумагу; въ этомъ прощальномъ посланіи онъ выражалъ свою безграничную любовь къ дѣтямъ и благодарилъ дочь за ея преданность и любовь къ нему; онъ завѣщалъ ей свою власяницу.

Всѣмъ тѣмъ, кто испыталъ то безграничное счастье и высокое наслажденіе, какіе доставляетъ счастливая семейная жизнь, основанная на началахъ религіи, и тому кто знаетъ, что эта жизнь уподобляется земному раю, должно казаться въ высшей степени печальнымъ неоднократно цитируемый фактъ, что современная эмансипація женщинъ, прошедши черезъ множество самыхъ разнообразныхъ фазисовъ, обнаруживается въ послѣднее время новымъ фазисомъ, названнымъ въ прессѣ «возмущеніемъ дочерей противъ родительской власти». Я могу допустить всевозможныя роковыя ошибки со стороны родителей въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей; могу понять, что дочери матерей, предающихся свѣтскимъ развлеченіямъ въ ущербъ своимъ родительскимъ обязанностямъ, пришли къ убѣжденію, что стремленія ихъ къ умственному развитію и требованія ихъ отъ жизни несравненно возвышеннѣе и честнѣе, нежели цѣли тѣхъ матерей, которыя зачастую ведутъ недостойный торгъ счастьемъ дочерей, устраивая ихъ браки со стариками или титулованными

развратниками, лишь бы это были богатые или вліятельные женихи; я допускаю также, что можно обвинить многихъ матерей въ томъ, что онѣ ошибочно требуютъ отъ своихъ дочерей, чтобы онѣ во всемъ раздѣляли ихъ вкусы, склонности, ихъ взгляды на вещи и имѣли одинаковыя съ ними требованія отъ жизни—ошибку, въ которую точно также впадаютъ и отцы относительно своихъ сыновей. Родители, дѣйствительно, забываютъ, что каждую человѣческую душу можно сравнить съ островомъ, окруженнымъ неприступнымъ океаномъ, и что нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что въ ребенкѣ должны непремѣнно отразиться характеръ или идеалъ родителей. По закону атавизма въ ребенкѣ можетъ обнаружиться какой-либо отдаленный типъ его предковъ, совершенно чуждый его родителямъ или ближайшимъ родственникамъ; во всякомъ же случаѣ наши дѣти, какъ и всѣ остальные люди, представляютъ собою, по мѣткому выраженію одного ученаго, какъ-бы крайніе пункты безчисленныхъ мужскихъ и женскихъ линій, исходящихъ отъ ихъ предковъ со временъ нашихъ общихъ прародителей Адама и Евы; иначе нельзя было бы объяснить почему, напр., у Марка Аврелія, этого «совершеннѣйшаго изъ смертныхъ, блестящаго представителя языческой нравственности,» родится такой чудовищный по своей безнравственности и звѣрству сынъ, какимъ былъ Коммодъ; или почему у высоконравственной жены Германики, показавшей на себѣ въ развращенномъ и жестокомъ вѣкѣ, въ которомъ она жила, примѣръ чистоты и цѣломудрія, родится дочь Агриппина—младшая, запятнавшая свое имя злодѣяніями.

Если, однако, допустивъ все вышесказанное, признать, что на самомъ дѣлѣ въ нашемъ современномъ обществѣ замѣчается общераспространенное «возмущеніе дочерей»—въ чемъ я позволяю себѣ сомнѣваться, то это явленіе возможно объяснить единственно развѣ только тѣмъ, что въ корнѣ нашей современной цивилизаціи гнѣздится какой-либо болѣзненный, растлѣвающій зародышъ. Разумнымъ и основанномъ на любви къ дѣтямъ руководительствомъ, родители, однако, могутъ противоборствовать развитію этого зародыша, и, разумѣется, имъ удастся искоренить его, въ особенности если, взамѣнъ тягостныхъ стѣснительныхъ мѣръ, они прибѣгнутъ къ твердому, непоколебимому контролю надъ своими дѣтьми, контролю, основанному по преимуществу на снисходительности и на самоотверженной любви къ подростающему поколѣнію.

Глава II.

ЖЕНЫ.

Въ наше время много говорятъ о правахъ женщинъ и о вліяніи, которое онѣ могутъ оказать въ сферѣ общественной дѣятельности. Христіанство удѣлило женщинамъ обширную сферу плодотворной дѣятельности въ домашнемъ кругу, если только онѣ обладаютъ даромъ проявить свое вліяніе въ этомъ кругу толково и съ полнымъ самоотверженіемъ. Конфуцій весьма вѣрно опредѣлилъ эту дѣятельность женщинъ словами: «Если кто разумно выполняетъ свой долгъ относительно семьи, то нѣтъ надобности ходить далеко для жертвоприношеній.» Возможно, что нѣкоторыя эмансипированныя женщины прочтутъ эти строки съ усмѣшкой; тѣмъ не менѣе, однако, я такъ далекъ отъ мнѣнія, что заботы въ домашнемъ быту составляютъ слишкомъ ограниченное поле дѣятельности, что считаю эти заботы по ихъ обширности равными съ полемъ дѣятельности всей человѣческой расы. Женщина можетъ стремиться къ расширенію горизонта своего міросозерцанія и въ то же время не пренебрегать своими домашними обязанностями. Безъ сомнѣнія, обязанности каждой женщины начинаются у домашняго очага, и если она нерадиво относится къ этимъ обязанностямъ, то всѣ ея попытки къ расширенію поля своей дѣятельности потерпятъ рано или поздно крушеніе.

Женщина можетъ обладать обширными познаніями, можетъ быть въ высшей степени религіозной, примѣрной филантропкой, и въ то же время и примѣрной женой.

Въ подтвержденіе этой истины достаточно привести примѣръ изъ современной жизни, доказывающій, что женщина, обладавшая такими научными познаніями, которымъ могли бы позавидовать многіе мужчины, въ то-же время была безупречна въ исполненіи своихъ домашнихъ обязанностей; мы говоримъ объ извѣстной ученой—Мери Соммервиль. Ея научныя изслѣдованія были такъ блестящи, что современная пресса признала ея первый научный трактатъ «однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ трудовъ, совершенномъ женщиною

въ какомъ-либо вѣкѣ и въ какой-либо странѣ свѣта.» Даже на восемьдесятьдевятомъ году жизни она трудилась надъ разрѣшеніемъ сложныхъ математическихъ проблемъ; приэтомъ, однако, какъ ея мужъ, такъ и дѣти въ самыхъ задушевныхъ выраженіяхъ засвидѣтельствовали фактъ, что она никогда не пренебрегала своими, подчасъ мелочными и скромными, домашними обязанностями, какія выпадаютъ на долю каждой хозяйки дома.

Нѣкоторые полагаютъ, что женщины, всецѣло поглощенныя исполненіемъ религіозныхъ обязанностей, до того бываютъ отвлечены отъ всего мірскаго, что уже не въ состояніи исполнять требованій обыденной жизни. Чтобы опровергнуть это мнѣніе достаточно указать на примѣръ Св. Франциски. Она была знатной римлянкой, родившейся въ 1384 году; въ 1396 г. она вышла замужъ за своего соотечественника дворянина Лаврентія Понцани. По свидѣтельству Бутлера, «она отличалась необычайной кротостью и снисходительностью въ своей семейной жизни; между нею и ея мужемъ существовало такое согласіе и такая искренняя привязанность, что за всѣ сорокъ лѣтъ ихъ супружества между ними никогда не происходило никакихъ недоразумѣній или несогласій; вся цѣль жизни супруговъ состояла въ томъ, чтобы превзойдти другъ друга во взаимномъ угожденіи и уваженіи.» Она обыкновенно говорила, что замужняя женщина «обязана, когда это необходимо, прервать свои молитвы у алтаря, чтобы заняться домашними дѣлами.»

Прелестная легенда изъ ея жизни служитъ подтвержденіемъ истины, что отправленіе религіозныхъ обязанностей не должно отвлекать женщинъ отъ ихъ заботъ о благосостояніи семьи. Эта благочестивая римлянка посвящала ежедневно ранній утренній часъ молитвамъ и чтенію Св. Писанія. Случилось, однажды, что какъ только она сѣла за свое обычное чтеніе, ее отвлекли какими-то хозяйственными дѣлами, касавшимися ея слугъ или дѣтей и требовавшими ея вмѣшательства. Помня золотое правило: «дѣлай сперва то, что ближе всего тебя касается» и готовая всегда пожертвовать своими личными желаніями ради долга, она встала съ своего мѣста, исполнила то, что требовалось и вернулась къ своему чтенію. Не успѣла она, однако, присѣсть, какъ снова ее оторвали отъ чтенія, она опять поднялась съ мѣста, и, не теряя самообладанія, распорядилась по хозяйству и вновь принялась за чтеніе; опять ее оторвали отъ чтенія и опять она исполнила требуемое, такъ продолжалось последовательно до семи разъ и она, ни минуты не мѣшкая и не ропща на перерывы, исполняла свои домашнія обязанности. Когда же

она въ седьмой разъ вернулась къ чтенію, то на страницѣ раскрытой Библіи она увидѣла, что стихъ Псалма, на которомъ прервали ее чтеніе, былъ отпечатанъ блестящими золотыми буквами; это сдѣлали ангелы въ знакъ высокаго одобренія ея безропотнато исполненія обязанности матери и хозяйки дома.

Филантропія, по какой-то невѣдомой причинѣ, часто считается несовмѣстимою съ обязанностями жены и матери. Диккенсъ, напр., питалъ особенно сильную антипатію къ женщинамъ-филантропкамъ и осмѣялъ ихъ въ своихъ ѣдкихъ каррикатурныхъ образахъ; такъ, онъ описываетъ неурядицу домашняго быта м-съ Джеллибе, которая направляла весь запасъ своей энергіи на заботы объ обученіи дикарей острова Борріобулага искусству дѣлать ножки къ фортепьянамъ.

Многія женщины, однако, обезсмертившія свое имя благотворительностью и добрыми дѣлами, были не дѣвственницы, какъ, напр., Св. Екатерина Севильская или Св. Терезія Авильская, а замужнія женщины, которымъ занятія дѣломъ благотворительности не служили препятствіемъ при отправленіи законныхъ обязанностей хозяйки и матери.

Возьмемъ еще примѣръ изъ жизни Св. Елизаветы Венгерской, жены Людовика, ландграфа тюрингенскаго. Она жила во время управ-

ленія страною Конрада Марбургскаго, извѣстнаго своими фанатическими религіозными возрѣніями и стремленіями къ введенію инквизиціи въ Германіи. Въ теченіе ранней поры своего замужества, прежде нежели своими превратными понятіями о жизни, посвященной религіи, Конрадъ Марбургскій принудилъ ее принести себя въ жертву этимъ понятіямъ, Св. Елизавета была любящею и преданною женою своего благороднаго супруга. Существуетъ множество легендъ, относящихся къ ея жизни, которыя подтверждаютъ фактъ, что она ни въ чемъ ни уклонялась отъ семейныхъ обязанностей. Такъ, напр., одна легенда гласитъ, что, однажды, когда Св. Елизавета огорчила мужа своимъ отказомъ отъ всякихъ излишествъ и рѣшеніемъ питаться только хлѣбомъ и водою, то совершилось чудо: хлѣбъ и вода, когда ея мужъ хотѣлъ ихъ отвѣдать, превратились въ изысканныя яства и драгоцѣнныя вина. Другая легенда повѣствуетъ, что когда Св. Елизавета, увлекшись состраданіемъ къ одному несчастному прокаженному, уложила его въ постель своего мужа, чѣмъ она, весьма естественно, навлекла на себя гнѣвъ мужа, то оказалось, что прокаженный мгновенно исчезъ. Это чудо было объяснено тѣмъ, что Самъ Спаситель являлся къ Св. Елизаветѣ подъ видомъ прокаженнаго. Она умерла въ 1231 году.

Упомянемъ здѣсь о практической мудрости

Св. Франциска Ассизскаго; хотя онъ, очевидно, придерживался мнѣнія, что для тѣхъ, которые чувствуютъ призваніе къ отшельнической жизни, лучше всего, послѣдовавъ примѣру Св. Клары, удалиться отъ міра подъ сѣнь монастырской кельи, онъ тѣмъ не менѣе основалъ монашескій орденъ, такъ называемый «Средній орденъ францисканцевъ», въ который вступали свѣтскія лица обоего пола, согласившись слѣдовать нѣкоторымъ правиламъ францисканцевъ, не оставляя свѣта; при этихъ условіяхъ мужчинамъ и женщинамъ представлялась возможность проводить въ жизни правила религіи, не нарушая своей обычной семейной и свѣтской жизни.

Такъ какъ могутъ справедливо замѣтить, что примѣръ Св. Елизаветы Венгерской непримѣнимъ къ условіямъ современной жизни, то укажемъ на примѣры нѣкоторыхъ современныхъ намъ женщинъ и на жившихъ въ нашемъ же столѣтіи. Такъ, въ 1830 году жена одного англійскаго офицера—м-съ Чизгольмъ, вышедши замужъ молодой дѣвушкой двадцати лѣтъ, сопровождала своего мужа въ Индію, гдѣ посвятила себя его нравственной поддержкѣ среди всевозможныхъ лишеній, сопряженныхъ съ его тяжелыми обязанностями. Она основала въ Индіи школу для круглыхъ сиротъ и для дочерей англійскихъ солдатъ; когда

же разстроенное здоровье капитана Чизгольма вынудило ихъ покинуть Индію и уѣхать въ Сидней, то она занялась въ новомъ мѣстѣ жительства судьбою эмигрантовъ и спасла многихъ молодыхъ дѣвушекъ отъ позора и отчаянія своими попеченіями объ ихъ горькой участи. Она сумѣла соединить попеченія о собственной семьѣ съ самоотверженнымъ служеніемъ страждущему человѣчеству и вполнѣ заслужила благородныя строки, посвященныя ей поэтомъ Вальтеромъ Ландоромъ: «Ты удивила свѣтъ своими святыми стремленіями, своею небесною добротой! Порокъ бѣжитъ при одномъ твоемъ появленіи и вся Австралія, просвѣщенная тобою, уже не служитъ сборищемъ отбросковъ рода человѣческаго, направляемыхъ со всѣхъ концовъ Европы на ея отдаленный берегъ, какъ-бы съ цѣлью загрязнить единственный еще нетронутый порокомъ край»!

Приведемъ еще въ примѣръ Елизавету Фрай. Она тоже вышла замужъ двадцати лѣтъ отъ роду и сдѣлалась матерью многочисленнаго семейства. Будучи свидѣтелемъ ея филантропической дѣятельности въ Лондонской Ньюгэтской тюрьмѣ, писатель Сидней Смитъ не могъ удержаться отъ слезъ умиленія; ее окружали несчастные заключенные, прикасаясь къ краю ея одежды и вознося свои мольбы къ Богу; она,

какъ ангелъ среди этихъ отверженныхъ людей, утѣшала ихъ, поучала слову Божіему и увѣщевала ихъ своимъ кроткимъ голосомъ; это было такое зрѣлище, передъ которымъ поблѣднѣли бы многія суетныя мірскія торжества! Труды м-съ Фрай на пользу человѣчества, труды, которыми Англія справедливо гордится, причисляя эту замѣчательную женщину къ «благодѣтелямъ рода человѣческаго», нисколько не умаляли ея любви къ ея дѣтямъ и чувства преданности мужу.

Существуетъ мнѣніе, что женщины, предающіяся литературнымъ занятіямъ, не отличаются семейными добродѣтелями. Но я полагаю, что такое мнѣніе совершенно ошибочно. Извѣстно, впрочемъ, что и мужчинъ упрекали въ томъ же; такъ, жена Карлейля утверждала, что мужчины—писатели весьма несносны въ семейной жизни; она предостерегала своихъ знакомыхъ молодыхъ дѣвушекъ отъ вступленія въ бракъ съ писателемъ и, въ особенности, съ литературною знаменитостью. Съ другой стороны, мужъ англійской поэтессы—м-съ Гимансъ жаловался на то, что ему въ качествѣ мужа литературной знаменитости постоянно приходится носить рубашки безъ пуговицъ. Въ этомъ, однако, онъ самъ былъ болѣе виноватъ, нежели его жена. Во всякомъ же случаѣ мы можемъ указать на счастливѣйшій бракъ двухъ современныхъ намъ первоклассныхъ поэта и поэтессы—Роберта Браунинга и его жены. По смерти м-съ Браунингъ, ея мужъ посвятилъ ей слѣдующіе стихи, которые онъ самъ никогда не могъ читать безъ слезъ о своей утратѣ:

«О! ты, моя любовь! Какъ ангелъ, какъ пташка Божья ты была прелестна! Въ тебѣ все было восхитительно, все возбуждало самое выспреннее чувство! Ты бодро переносила свои страданія, закаливъ свое сердце мужествомъ; душа же твоя парила до небесъ и тамъ, въ безоблачной синевѣ, скрывалась отъ всего мірскаго. На своихъ легкихъ крыльяхъ ты увлекла за собою и мою родственную тебѣ душу... Но какъ ни высоко ты парила надъ землей, ничто человѣческое не было чуждо твоему чуткому, любвеобильному сердцу... И вотъ, теперь, когда тебя не стало, я въ своей поэзіи—даромъ Божіимъ вызваннымъ тобою, колѣнопреклоненный передъ Творцомъ, молю Его воодушевить меня, сквозь отдѣляющій насъ съ тобою мракъ, хотя бы однимъ лучомъ свѣта, какъ нѣкогда ты меня воодушевляла лучомъ свѣтлой мысли—своею благодатью, которая нѣкогда отражалась въ твоей улыбкѣ!»

Этими стихами Браунингъ выразилъ свою безграничную любовь и благоговѣніе къ умершей женѣ. Можетъ быть, нѣтъ поэта въ мірѣ, который лучше его могъ бы намъ разъяснить

идеалъ женщины какъ жены. Онъ изучилъ супружескія отношенія такъ же тщательно и съ такимъ же знаніемъ человѣческихъ побужденій, какими отличаются всѣ его наблюденія надъ явленіями жизни и людскими отношеніями. Въ его поэмахъ мы можемъ прослѣдить страстныя зачатки любви (Blot on the Scutcheon), охлажденіе любви, происшедшее вслѣдствіе преобладанія низменныхъ страстей (Fifine at the Fair), мелочныя пререканія между любящими супругами, окончившіяся примиреніемъ, въ полной глубокаго лиризма поэмѣ: «A Woman's last word»: «Прекратимъ наши распри, милый другъ! Не будемъ больше плакать! Пусть между нами все будетъ по-старому! Будемъ только любить другъ друга!.. Будь моимъ богомъ! Чаруй меня, какъ въ былые годы! Будь мужчиной — поддержи меня въ твоихъ сильныхъ объятіяхъ! Научи меня только чѣмъ я могу заслужить твою любовь! Я буду говорить твоимъ языкомъ; буду думать твоими мыслями; я хочу, чтобы насъ соединяли не только плотскія, но и духовныя узы!»

Едва-ли какой-либо другой поэтъ сумѣлъ такъ вѣрно указать на тѣ житейскія мелочи, которыя непримѣтными градаціями превращаютъ пламенную любовь въ глубокую ненависть. Въ поэмѣ «Одинъ лишь годъ спустя», онъ описываетъ тотъ трагизмъ, которымъ проникается семейная жизнь, какъ только-что угасаетъ прежняя страстная любовь супруговъ: «Никогда, о! никогда больше, пока только я жива, не видать мнѣ больше его такимъ, какимъ я его прежде знала! Онъ меня разлюбилъ и, какъ бы я теперь ни старалась, мнѣ не разжечь уже больше его прежнія чувства ко мнѣ! Онъ обнимаетъ меня молча, но мы уже отдѣлены цѣлою пропастью и каждый изъ насъ уже живетъ своею отдѣльною жизнью! Но отчего же это такъ случилось? Развѣ я въ чемъ либо провинилась? Можетъ быть, я что нибудь сказала оскорбительное для него? Можетъ быть, что-нибудь въ моемъ взглядѣ не понравилось ему? Но въ прежніе годы ему все во мнѣ казалось столь привлекательнымъ и эти же самыя мелочи, которыя теперь его такъ раздражаютъ, казались ему прежде столь очаровательными во мнѣ, что именно онѣ и покорили мнѣ его сердце»!

Поэмы Браунинга, можетъ быть, болѣе нежели какіе либо научные трактаты, могутъ служить матерьяломъ для изученія женскаго вопроса. Но мы не должны умолчать о заслугахъ Теннисона, который столь много содѣйствовалъ распространенію высшаго образованія среди женщинъ. Такъ, напр., мысли, выраженныя имъ въ его поэмѣ «Принцесса», хотя и облечены въ легкую поэтическую форму,

весьма многимъ способствовали стремленію женщинъ къ университетскому образованію, столь успѣшно укоренившемуся въ наше время, когда мы постоянно слышимъ о полученіи женщинами ученыхъ степеней. Въ заключительныхъ же строфахъ своей поэмы Теннисонъ изобразилъ такой идеалъ супружеской жизни, равный которому едва-ли найдется въ литературѣ:

«Нельзя считать женщину за недоразвитаго мужчину — она представляетъ собою совершенно отличный отъ мужчины законченный типъ, обладающій своими своеобразными свойствами. Если бы могли ее преобразовать въ мужчину, то пришлось бы уничтожить и всю святость любовныхъ отношеній, такъ какъ любовь именно только тѣмъ и держится, что женщина во многомъ представляетъ совершенную противоположность мужчинѣ. Съ годами супруги, правда, мѣняются ролями: мужчина заимствуетъ у женщины долю ея кротости и нравственнаго совершенства, не теряя при этомъ той духовной силы, которая дѣлаетъ его властелиномъ вселенной; жена же заимствуетъ у мужа его умственное совершенство, не утрачивая всей прелести женственности. При этихъ условіяхъ жену можно сравнить съ музыкою, положенною на благородную тему кантаты, музыкою, дополняющею смыслъ текста и увеличивающею его достоинства».

Мы не должны, однако, забывать, что если, съ одной стороны, вліяніе женщинъ на мужчинъ столь благотворно, то, съ другой стороны, оно можетъ быть и самаго пагубнаго свойства. Джорджъ Эліотъ въ своемъ романѣ «Мидльмаршъ» рисуетъ возбуждающую ужасъ картину тлетворнаго вліянія жены на мужа. Въ этомъ романѣ мы видимъ, что усилія эгоиста и педанта м-ра Казобона сдвинуть свою жену Доротею съ ея нравственной высоты потерпѣли полнѣйшее крушеніе, тогда какъ Розамунда Винси съ своимъ узкимъ взлядомъ на жизнь, со своею фальшью и слабохарактерностью является отравляющимъ элементомъ въ жизни соего мужа, которому она омрачила всю жизнь и котораго принудила отказаться отъ его выспренныхъ предначертаній. Невольно содрогаешься при чтеніи слѣдующихъ строкъ этого романа: «Лидгэтъ (мужъ Розамунды) такъ и не дожилъ до сѣдыхъ волосъ: онъ умеръ, когда ему едва минуло пятьдесятъ лѣтъ..... Онъ самъ къ себѣ относился какъ къ неудачнику въ жизни; онъ сознавалъ какъ далекъ онъ былъ отъ выполненія своей сокровенной жизненной задачи. Всѣ знакомые, однако, завидовали ему, хвалили его красавицу-жену и ничто не поколебало ихъ увѣренность въ его семейномъ счастьѣ. Розамунда ничѣмъ не компрометировала ни его, ни себя; она отличалась необычайно невозму-

тимымъ характеромъ и имѣла обо всемъ опредѣленныя и непоколебимыя сужденія. Она часто читала нотаціи своему мужу и всегда силою своихъ тонкихъ стратегическихъ мѣръ ухитрялась поставить на своемъ и во всемъ поступать по своему усмотрѣнію. Къ концу своей жизни Лидгэту случалось съ горькимъ сожалѣніемъ говорить о своей безполезно проведенной, загубленной жизни; однажды онъ загадочно назвалъ свою жену «Базиликой»; когда же она потребовала объясненія этого слова, то онъ отвѣчалъ, что «Базилика—растеніе, которое, по преданію, роскошно выросло и разцвѣло на мозгу человѣка, умершаго насильственной смертью.» У Розамунды, однако, на всѣ его горькія рѣчи былъ всегда готовъ отвѣтъ; она спокойно возражала, что «никто не принуждалъ его жениться на ней, и что онъ самъ во всемъ кругомъ виноватъ.»

Растлѣвающее вліяніе нѣкоторыхъ женъ на мужей слѣдуетъ приписать дурно направленнымъ ихъ лучшимъ качествамъ и инстинктамъ. Онѣ зачастую до того погружены въ свои семейныя дѣла, ихъ любовь къ мужу и дѣтямъ доходитъ иногда до такихъ крайнихъ предѣловъ, что въ ихъ сердцахъ уже нѣтъ мѣста для другихъ интересовъ. Подобная фанатическая любовь у женщинъ переходитъ уже въ ненормальное чувство эгоизма—эгоизма со-

средоточеннаго не на своей особѣ, но распространяющагося на семью. Ради мужа и дѣтей женщины становятся несправедливыми и скаредными. Въ концѣ-концовъ, въ этомъ явленіи можно усмотрѣть тотъ же эгоизмъ, хотя и не себялюбивый въ строгомъ смыслѣ этого слова. Подобный эгоизмъ весьма часто проявляется именно у женщинъ и потому весьма нелишне, въ видѣ предостереженія отъ него, припомнить слова тонкаго наблюдателя человѣческихъ слабостей и политическаго мыслителя — Александра де-Токвилля: «Въ политикѣ, говоритъ онъ, какъ и во всѣхъ случаяхъ жизни, мы должны стремиться къ тому, чтобы прививать строго опредѣленные принципы, внушать строго опредѣленныя чувства. Я не хочу сказать, чтобы духовенство, напр., стремилось къ развитію среди своихъ прихожанъ республиканскихъ-ли или роялистическихъ чувствъ, но я посовѣтовалъ-бы чаще проповѣдывать о тѣхъ узахъ, которыя должны существовать между членами великой человѣческой общины, сплоченной Самимъ Создателемъ вселенной; духовные пастыри должны стремиться проникать въ самую глубь человѣческой души и чаще внушать людямъ, что каждый изъ нихъ принадлежитъ прежде всего — Человѣчеству, а не самому себѣ; служитъ единичнымъ звеномъ, сплочивающимъ во-едино все Человѣчество. Подобныя проповѣди состав-

ляютъ важнѣйшую задачу проповѣдниковъ по отношенію ко всѣмъ ихъ слушателямъ, но по преимуществу по отношенію къ женщинамъ. Въ теченіе долгой опытности, пріобрѣтенной мною при отправленіи моихъ общественныхъ обязанностей, я убѣдился въ томъ, что вліяніе женщинъ въ вопросахъ о распространеніи понятій о человѣколюбіи поистинѣ поразительное, тѣмъ болѣе, что въ сущности оно обнаруживается не прямымъ, но косвеннымъ путемъ. Безъ преувеличенія можно утверждать, что отъ женщинъ зависитъ нравственный строй каждой націи, строй, который, въ свою очередь, вліяетъ и на политическій духъ каждой націи. Сотни разъ въ теченіи своей жизни я наблюдалъ какъ слабохарактерные мужчины становились выдающимися политическими дѣятелями, исключительно благодаря тому, что ими руководили женщины и не столько своими совѣтами, сколько тѣмъ, что онѣ укрѣпляли ихъ въ ихъ убѣжденіяхъ и направляли ихъ честолюбіе на истинный путь. Къ сожалѣнію, однако, я долженъ признаться, что мнѣ чаще случалось наблюдать, что условія семейной жизни пагубно вліяли на людей по природѣ благородныхъ, великодушныхъ, готовыхъ на самопожертвованія ради праваго дѣла, и что эти условія превращали этихъ людей постепенно въ трусовъ, въ людей, готовыхъ по-

жертвовать своими убѣжденіями ради мірскихъ почестей, ради положенія въ свѣтѣ; въ людей, относившихся къ своимъ общественнымъ обязанностямъ только какъ къ средству обезпеченія своей жизни; и все благодаря только тому, что такіе люди приходили въ ежедневное столкновеніе съ женщинами, можетъ быть и безукоризненными въ качествѣ женъ и матерей, но вовсе лишенными высокаго понятія объ ихъ общественныхъ обязанностяхъ по отношенію къ человѣчеству».

О подобномъ же вліяніи женщины упоминаетъ и Браунингъ въ своей поэмѣ «Андреа Дель Сарто», основанной въ главныхъ своихъ чертахъ на историческихъ данныхъ. Андреа Дель Сарто, прозванный «безукоризненнымъ художникомъ», такъ искуссно владѣлъ кистью, что былъ въ состояніи даже исправлять ошибки Рафаэля; его можно по таланту поставить почти на ряду съ геніальными живописцами: Миккель Анджело и Рафаэлемъ; но оба эти знаменитые художника были неженаты, тогда какъ Дель Сарто имѣлъ несчастье жениться на горделивой и корыстолюбивой красавицѣ, Лукреціи Феде, которая не сочувствовала мужу и не цѣнила его таланта; она единственно заботилась лишь о томъ, чтобы получать отъ мужа какъ можно больше денегъ на драгоцѣнности и наряды. Дель Сарто былъ приглашенъ ко двору короля

Франциска I-го и, будучи поощряемъ этимъ воликимъ и гуманнымъ монархомъ, могъ мечтать о достиженіи высшей славы въ искусствѣ. Но когда король вручилъ ему крупную сумму денегъ на покупку картинъ въ Италіи, то, по настояніи своей жены, Дель Сарто присвоилъ себѣ этотъ капиталъ для постройки дома. Этою растратою онъ опозорилъ свое честное имя и отъ него отшатнулись лучшіе его друзья. Онъ сознавалъ, что вся его карьера испорчена и что впереди ему предстоитъ только горе и нищета и что этому несчастью онъ обязанъ своей женѣ, которую онъ все же обожалъ за ея красоту, хотя и понималъ до какой степени она была легкомысленна и себялюбива. Онъ какъ-бы увѣковѣчилъ свои горькія разочарованія и нравственныя страданія, изобразивъ на полотнѣ себя самого съ поражающимъ безотраднымъ выраженіемъ грусти рядомъ съ своею цвѣтущею красотою и молодостью женою. Браунингъ истолковываетъ значеніе этой картины слѣдующими словами:

«О! если бы только ты, обладая этимъ чуднымъ челомъ, этими лучезарными глазами и этими божественными чертами лица, о! еслибы ты владѣла-бы еще и душою! Существуютъ-же на свѣтѣ женщины, которыя одарены и душевными качествами на ряду съ тѣлеснымъ совершенствомъ! Тогда ты сказала-бы мнѣ: «Впередъ! Господь ведетъ тебя къ славѣ! Вырви изъ своего сердца всѣ корыстолюбивыя мечтанія; неужели ожидающее тебя безсмертіе не стоитъ всѣхъ скоропреходящихъ земныхъ благъ? Живи ради славы какъ Миккель Анджело; Рафаэль ожидаетъ тебя, чтобы вмѣстѣ съ тобою вознестись къ Творцу». Да, если бы ты сказала мнѣ это, то, ради одной любви къ тебѣ, я сталъ-бы великимъ художникомъ, подобно этимъ обезсмертившимъ свое имя людямъ».

Соломонъ обрисовалъ нижеслѣдующій прекрасный типъ добродѣтельной женщины, исполняющей свои многочисленныя обязанности у семейнаго очага, въ послѣдней главѣ своихъ Притчъ, озаглавленной: «Похвала добродѣтельной женщинѣ и качества ея».

«Кто найдетъ добродѣтельную жену? цѣна ея выше жемчуговъ; увѣрено въ ней сердце мужа ея, и онъ не останется безъ прибытка; она воздаетъ ему добромъ, а не зломъ, во всѣ дни жизни своей. Добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками. Она, какъ купеческіе корабли, издалека добываетъ хлѣбъ свой. Она встаетъ еще ночью и раздаетъ пищу въ домѣ своемъ и урочное служанкамъ своимъ. Задумаетъ она о полѣ, и пріобрѣтаетъ его; отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградникъ. Препоясываетъ силою чресла свои и укрѣпляетъ мышцы свои. Она чув-

ствуетъ, что занятіе ея хорошо, и—свѣтильникъ ея не гаснетъ и ночью. Протягиваетъ руки свои къ прялкѣ, и персты ея берутся за веретено. Длань свою она открываетъ бѣдному и руку свою подаетъ нуждающемуся. Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ея одѣта въ двойныя одежды. Она дѣлаетъ ковры: виссонъ и пурпуръ—одежда ея. Мужъ ея извѣстенъ у воротъ, когда сидитъ со старѣйшинами земли.

«Она дѣлаетъ покрывала и продаетъ, и поясы доставляетъ купцамъ Финикійскимъ. Крѣпость и красота—одежда ея, и весело смотритъ она на будущее. Уста свои открываетъ съ мудростью, и кроткое наставленіе на языкѣ ея. Она наблюдаетъ за хозяйствомъ въ домѣ своемъ и не ѣстъ хлѣба праздности. Встаютъ дѣти и ублажаютъ ее,—мужъ, и хвалитъ ее: «много было женъ добродѣтельныхъ, но ты превзошла всѣхъ ихъ».

Въ «Пѣснѣ Пѣсней» Соломона мы читаемъ проникнутую глубокимъ чувствомъ идиллію самоотверженной любви сельской дѣвушки къ молодому простолюдину. Дѣвушка эта отвергаетъ соблазны великолѣпнаго и сластолюбивого двора, находя болѣе привлекательнымъ зрѣлище распускающихся цвѣтовъ гранатовыхъ деревьевъ и нѣжныхъ виноградныхъ кистей, пѣніе птицъ и журчанье быстро-несущихся горныхъ потоковъ ея родныхъ полей: «Приди, возлюбленный мой, выйдемъ въ поле, побудемъ въ селахъ; поутру пойдемъ въ виноградники, посмотримъ раскрылись ли почки, расцвѣли-ли гранатовыя яблони. Мандрагоры уже пустили благовоніе и у дверей нашихъ всякіе превосходные плоды, новые и старые; это сберегла я для тебя, мой возлюбленный».

Поэты въ своихъ твореніяхъ изобразили множество очаровательныхъ картинъ семейнаго счастья. Шекспиръ даетъ намъ идеальную картину супружеской любви въ типахъ Порціи, Кальпурніи, Миранды, Геры, Дездемоны, Лэди Перси, Имогены и въ другихъ симпатичныхъ типахъ его героинь.

Мильтонъ, который былъ столь несчастливъ въ бракѣ съ первой женой, но наслаждался хотя кратковременнымъ счастьемъ со своею второю женой и спокойствіемъ, которымъ онъ такъ дорожилъ, въ бракѣ съ третьей, описываетъ блаженство супружеской любви въ слѣдующихъ стихахъ: «Привѣтствую тебя, супружеская любовь—таинственный источникъ всего человѣческаго бытія! Начало твое ведется со временъ процвѣтанія Рая на землѣ и зиждется на основѣ разума, благородства, справедливости и высокой нравственности».

Романистъ Чарльзъ Ридъ, съ своей стороны, рисуетъ полную прелести картину супружескаго

счастья въ своемъ романѣ «Кристи Джонстонъ:» «Онъ былъ джентльмэномъ въ полномъ смыслѣ этого слова; она—идеалъ жены, матери и хозяйки дома; ихъ можно было дѣйствительно считать примѣрными супругами. Жизнь ихъ была наполнена трудомъ и оба они шли къ строго намѣченной цѣли; въ ихъ домѣ не было мѣста скукѣ, такъ бодро и весело всѣ исполняли свои различныя обязанности. Они представляли собою идеалъ святаго брачнаго таинства—наглядный примѣръ того, чѣмъ можетъ и долженъ быть бракъ, установленный мудрыми предначертаніями Небеснаго Учителя нашего. Наблюдая подобный бракъ, невольно приходитъ на умъ мысль, сколь часто люди искажали смыслъ этого таинства, пока низвели его на степень фарса и обратили въ мишень для своихъ плоскихъ насмѣшекъ! Въ домѣ этой счастливой пары мы видимъ какое громадное вліяніе супруги, соединенные святыми брачными узами, имѣютъ другъ на друга. Въ этомъ союзѣ стремленія одного становятся стремленіями уже двухъ существъ; одиночество не испытывается вовсе, такъ какъ супруги находятъ успокоеніе и миръ въ обоюдномъ согласіи ихъ сердецъ. Они друзья, потому что они соединены бракомъ; они всю свою жизнь—влюбленные, потому что они соединены бракомъ; они составляютъ одно нераздѣльное цѣлое, потому что

они соединены бракомъ. Жена наполняетъ весь домъ отъ чердака до кухни солнечнымъ свѣтомъ, ради того, чтобы сдѣлать этотъ домъ пріятнымъ ея мужу; мужъ же усердно трудится ради обезпеченія жены и семейства, а также ради достиженія славы, которою будетъ гордиться его жена. Когда одинъ изъ супруговъ выразитъ какое-либо желаніе или даже только намекнетъ на него, то другой всѣми силами старается найдти средство для исполненія этого желанія. Они дѣлятся другъ съ другомъ своими горестями, благодаря чему и горести эти уменьшаются на половину; они дѣлятъ по-поламъ свои радости и въ этомъ дѣлежѣ доля каждаго удвоивается. Вдвоемъ они восходятъ по крутой горѣ жизни и когда, по неизбѣжному закону природы, имъ предстоитъ спускаться въ темную долину смерти, то они сходятъ внизъ рука объ руку, осторожно поддерживая другъ друга по крутизнамъ и съ такою нѣжностью улыбаясь другъ другу, какую они не проявляли даже и въ ту пору жизни, когда рука каждаго изъ нихъ была полна юношеской мощи и нога каждаго твердо ступала при всходѣ на гору».

Глава III.

МАТЕРИ.

У всѣхъ народовъ, за исключеніемъ развѣ дикарей, любовь сыновей къ матерямъ проявляется въ видѣ одной изъ сильнѣйшихъ и нѣжнѣйшихъ привязанностей, поэтому-то вліяніе матерей на дѣтей будетъ всегда служить сильнѣйшимъ факторомъ въ міровой исторіи развитія человѣчества.

О материнской любви постоянно упоминается въ Св. Писаніи. Когда Псалмопѣвецъ Давидъ хочетъ выразить крайнюю степень горя, онъ говоритъ: «Я ходилъ скорбный, съ поникшею головою, какъ-бы оплакивающій мать». Пророкъ Исаія, указывая на высшую степень земной любви, вопрошаетъ: «Забудетъ-ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалѣть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя».

Материнская любовь сильна какъ смерть и даже сильнѣе самой смерти. Воображеніе

поэтовъ, какъ и живописцевъ, неоднократно воодушевлялось невообразимо трогательною картиной материнскаго горя, описаннаго въ Библіи (II кн. Царствъ; гл. 21). «И взялъ царь двухъ сыновей Рицпы, дочери Айя, которая родила Саулу Армона и Мемфивосѳея... и отдалъ ихъ въ руки Гаваонитянъ и они повѣсили ихъ (на солнцѣ) на горѣ передъ Господомъ... Они умерщвлены въ первые дни жатвы, въ началѣ жатвы ячменя. Тогда Рицпа, дочь Айя, взяла вретище и разостлала его себѣ на той горѣ, и сидѣла отъ начала жатвы до того времени, пока не полились на нихъ воды Божіи съ неба, и не допускала касаться ихъ птицамъ небеснымъ днемъ и ночью. И донесли Давиду, что сдѣлала Рицпа, дочь Айя. И истлѣли они».

Это событіе послужило темою для картины извѣстнаго англійскаго художника сэра Фредерика Лейтона; она была выставлена на прошлогодней академической выставкѣ; ранѣе этотъ же сюжетъ былъ изображенъ на полотнѣ необычайно чарующе и грандіозно художникомъ Тернеромъ. Теннисонъ избралъ Рицпу темою для поэмы, въ которой онъ проводитъ сравненіе между описаннымъ событіемъ и аналогичнымъ ему изъ современной жизни.

Шекспиръ, отъ наблюдательности котораго ничто не ускользало, во многихъ своихъ драмахъ описываетъ страстную любовь матерей къ

ихъ сыновьямъ и сыновнюю любовь къ матерямъ. Въ Коріоланѣ, напр., весь сюжетъ драмы сводится къ тому, что суровый римскій герой не въ силахъ устоять передъ просьбой своей матери, между тѣмъ какъ онъ остался глухъ къ мольбамъ своей горячо любимой жены. Въ «Королѣ Джонѣ» плачъ Констанціи надъ трупомъ ея сына—малютки Артура можетъ служить краснорѣчивымъ образцомъ страстной материнской любви. Въ «Гамлетѣ» вліяніе матери, даже порочной, все же оказываетъ свое дѣйствіе на ея несчастнаго сына. Въ «Троилѣ и Крессидѣ» Шекспиръ указываетъ на то неизмѣримое вліяніе, какое имѣютъ женщины вообще и матери въ особенности, словами молодаго героя, воскликнувшаго: «Не говори этого, прошу тебя не говори! Не говори, изъ уваженія ко всему женскому роду! Вспомни, вѣдь, у всѣхъ насъ были матери»!

При обзорѣ англійской литературы мы находимъ, что самыя патетическія страницы ея суть тѣ, въ которыхъ описывается любовь сыновей къ ихъ матерямъ. Въ поэмѣ «Принцесса» Теннисонъ пишетъ: «Моя мать не обладала научными познаніями, но она владѣла въ совершенствѣ наукою сдѣлать счастливымъ нашъ домашній очагъ; она была далека отъ совершенства, но полна той кротостью, которая ищетъ и находитъ въ близкихъ людяхъ нѣжную опору; она была не ангелъ, но вокругъ

нея витали незримые духи и все окружавшее ее дышало блаженствомъ Рая.»

Стихи Эдвина Арнольда, посвященные его матери, проникнуты глубокимъ и трогательнымъ чувствомъ.

Я привожу примѣры изъ поэзіи потому именно, что считаю поэтовъ величайшими моралистами и людьми, обладающими необычайною проницательностью по отношенію ко всѣмъ фазисамъ человѣческаго бытія, совершенно недоступныхъ для пониманія людей, менѣе богато надѣленныхъ природою. Исторія, однако, указываетъ намъ на знаменательный примѣръ того, что матери своимъ вліяніемъ могутъ управлять всею карьерой своихъ сыновей и заставить ихъ стремиться къ достиженію предначерченнаго ими идеала. Я говорю о Спартанскихъ матеряхъ. Онѣ стремились, какъ и весь Спартанскій народъ, къ тому, чтобы ихъ сыновья обладали геройскими доблестями и относились-бы пренебрежительно къ физическимъ страданіямъ. Въ этомъ заключался залогъ процвѣтанія народа, политическое значеніе котораго поддерживалось исключительно только крѣпкими мышцами его гражданъ, народа у котораго крѣпостныя стѣны замѣняли груди тѣлохранителей гражданъ. Недаромъ такъ высоко цѣнились въ древности слѣдующіе характеристическіе анекдоты изъ Спартанскихъ преданій. Юноша-спартанецъ, жаловавшійся своей

матери, что его мечъ слишкомъ коротокъ, получилъ отъ нея отвѣтъ: «Въ такомъ случаѣ ты станешь на одинъ шагъ ближе къ врагу.» Другая спартанка вручила щитъ сыну съ лаконическимъ замѣчаніемъ: «Иль съ нимъ или на немъ!» Т. е. «принеси щитъ обратно самъ, или пусть мнѣ вернутъ твой трупъ на щитѣ.»

Всѣ великіе законодатели сознавали важную роль, которую играли матери въ дѣлѣ достиженія великихъ національныхъ цѣлей. Когда у Наполеона спросили какое воспитаніе онъ считаетъ наилучшимъ для рекрутовъ, онъ отвѣчалъ: «Воспитаніе, полученное ими въ дѣтствѣ подъ надзоромъ ихъ матерей.» И, дѣйствительно, онъ весьма основательно разсчитывалъ на воспитаніе французскихъ матерей, которыя внушали своимъ сыновьямъ традиціонную патріотическую доблесть, побуждавшую плохоподготовленныхъ и полуголодныхъ французскихъ солдатъ къ геройскимъ подвигамъ, передъ которыми блѣднѣли подвиги лучшихъ европейскихъ войскъ, вынужденныхъ отступать передъ побѣдоносною Наполеоновскою арміей.

Горько поплатились за свои ошибки тѣ націи, которыя держали женщинъ на низкой степени нравственнаго развитія и въ рабствѣ. Горе тѣмъ народамъ, у которыхъ, какъ нѣкогда въ Индостанѣ, матери молятся: «О! Висну, сдѣлай то, чтобы у меня родился сынъ, а не дочь, ибо горька участь женщины!» Горе

тѣмъ народамъ, у которыхъ женщины, изъ жалости къ будущей участи своихъ малютокъ-дочерей, бросали ихъ въ рѣки, волны которыхъ быстро уносили трупы младенцевъ отъ взоровъ несчастныхъ матерей!

На это могутъ возразить, что древніе греки отличались своими какъ физическими, такъ и нравственными качествами, несмотря на то, что въ Аѳинахъ женщины играли второстепенную и подчиненную роль въ общественной жизни того времени; могутъ указать на знаменитую надгробную рѣчь Перикла, произнесенную имъ въ память убитыхъ на третьемъ году Пелопонезской войны; въ этой рѣчи Периклъ указываетъ, какъ на высшій идеалъ, на пассивную общественную роль женщины, не стремящейся ни къ добру, ни ко злу. Въ отвѣтъ на подобное возраженіе, однако, достаточно припомнить, что аѳинянки на самомъ дѣлѣ вообще не были порабощены мужчинами и пользовались уваженіемъ въ обществѣ; между ними было много выдающихся женщинъ, имена которыхъ извѣстны въ исторіи, и хотя отъ нихъ требовалось, чтобы онѣ вели исключительно только замкнутую жизнь у домашняго очага, но въ сферѣ домашней жизни онѣ были полновластны и проявляли свое законное вліяніе на дѣтей и членовъ семейнаго круга. Далѣе, мы должны помнить, что Грецiя пользовалась высшей степенью достигнутой ею славы только весьма

короткое время, и мы имѣемъ полное право приписать паденіе Греціи именно порабощенному положенію женщинъ того времени. Можно безошибочно указать на безнравственность и узость взглядовъ и отсталость Восточныхъ народовъ, какъ на послѣдствія ихъ извращенныхъ и унизительныхъ понятій о женщинѣ, у которой даже предполагается отсутствіе души. Подобный взглядъ на женщинъ несомнѣнно послужилъ тормазомъ къ высшему развитію многихъ націй въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Достаточно для подтвержденія этого факта указать на Китай, на одностороннія заблужденія Семитическихъ народовъ; на ошибки Персіи, Греціи и Рима; даже на фанатическое, но, въ принципѣ, ложное поклоненіе женщинамъ во времена рыцарства.

Вліяніе женщинъ на будущность всего человѣческаго рода выражается троякимъ образомъ:

1) Отъ женщинъ зависитъ сдѣлать счастливыми юношескіе годы дѣтей обоего пола, насколько тому способствуютъ внѣшнія обстоятельства жизни. Золотое правило гласитъ: «окружайте утро жизни ореоломъ счастья.» Тѣ мужчины и женщины, которые провели, по крайней мѣрѣ, счастливое дѣтство, могутъ хранить въ своемъ сердцѣ вѣчно-свѣтлое воспоминаніе, отражающееся и на ихъ старости, когда для нихъ изсякаютъ всѣ жизненныя радости. Каждая мать должна была-бы вмѣнить себѣ въ обязанность изучить великое искусство способствовать счастью своихъ дѣтей. Этому искусству не научатъ никакіе учебники—оно вдохновляется святымъ отреченіемъ отъ всякихъ эгоистическихъ побужденій и любовью къ дѣтямъ. Бѣдность не можетъ служить преградою къ достиженію этой цѣли. Счастье всегда достижимо, такъ какъ оно есть «жемчужина, для пріобрѣтенія которой не нужно плыть къ Индійскому океану: оно дается намъ свыше.» Мать, стремящаяся любить своихъ дѣтей такъ, какъ повелѣлъ Небесный нашъ Учитель, навѣрное достигнетъ своей цѣли.

2) Другимъ средствомъ благотворнаго вліянія женщинъ на судьбу всего человѣчества является разумное развитіе воли и характера у подростающаго поколѣнія. Ничто, однако, не можетъ столь пагубно вліять на юношество какъ стремленіе нѣкоторыхъ родителей укрощать волю ребенка. Это стремленіе въ большинствѣ случаевъ претерпѣваетъ полнѣйшую неудачу, такъ какъ даже у маленькихъ дѣтей проявляется изумительная непреклонность воли, которую если и удается сломить, то послѣдствія такого перелома бываютъ весьма неблагопріятныя. Миссъ Мартино въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о «домашнемъ воспитаніи» указала на фактъ, что попытки обуздать волю ребенка достигаютъ противоположной цѣли. Она описываетъ фактъ, что одинъ отецъ едва

не заморилъ голодомъ своего ребенка и вызвалъ у него припадки падучей болѣзни тѣмъ, что заставлялъ его насильно съѣсть кусокъ хлѣба, который, наконецъ, обратился для ребенка въ ненавистный и наводящій ужасъ предметъ. Эта же писательница указываетъ на разумный способъ укрощенія своенравія у дѣтей, состоящій не въ томъ, чтобы порабощать ихъ волю угрозами или строгостью посторонняго лица, но въ томъ, чтобы пользоваться для достиженіи цѣли нравственными качествами самаго ребенка. При воспитаніи дѣтей должно, съ одной стороны, избѣгать потворства и, съ другой, прекословія; при такой системѣ воспитанія дѣти пріобрѣтаютъ навыкъ къ послушанію еще раньше нежели у нихъ разовьется способность къ разумному контролю надъ своими дѣйствіями.

Здѣсь будетъ умѣстно указать, въ видѣ совѣта матерямъ, на фактъ изъ практической жизни, который можетъ послужить къ тому, чтобы убѣдить ихъ въ несостоятельности принудительной системы воспитанія: у рабочихъ существуетъ терминъ «полировка;» случается, что чугунныя доски не выходятъ совершенно гладкими, ровными; поверхность ихъ немного возвышается съ одного бока; если рабочій захочетъ сдѣлать доску совершенно ровною, то онъ ни въ какомъ случаѣ не начинаетъ ударять молотомъ по отлогому мѣсту; онъ знаетъ, что такимъ пріемомъ онъ не только не поправитъ дѣло, но даже ухудшитъ его, такъ какъ доска начнетъ коробиться у края; сдѣлать доску совершенно ровною можно только однимъ пріемомъ—полированіемъ ея; т. е. правильными и умѣлыми ударами не въ томъ мѣстѣ, гдѣ коробится доска, а вокругъ того мѣста и у другого края. Такимъ образомъ рабочій дѣйствуетъ не прямымъ, а косвеннымъ образомъ. Выполнить эту задачу, однако, не такъ легко, какъ это кажется съ перваго взгляда» *). Оказывается, что къ успѣшному исправленію даже металлической доски нельзя примѣнять тотъ методъ, который многимъ кажется вполнѣ согласнымъ со здравымъ смысломъ. Въ этомъ примѣрѣ кроется то же нравоученіе, которое вытекаетъ изъ старинной басни о Солнцѣ, спокойно выполнившемъ то, чего не могъ достигнуть вѣтеръ, несмотря на всѣ его суетливыя старанія.

3-мъ) и послѣднимъ способомъ проявленія вліянія женщинъ на будущія поколѣнія я считаю внушеніе дѣтямъ съ самаго нѣжнаго возраста религіозныхъ чувствъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова; стремленіе къ запечатлѣнію въ ихъ пластическихъ умахъ вѣчныхъ и коренныхъ истинъ нравственности и, главнѣе всего, ко внушенію имъ, что цѣль религіи состоитъ именно въ образованіи харак-

*) Гербертъ Спенсеръ: „Соціологія."

тера людей и всего ихъ нравственнаго строя, въ примѣненіи религіозныхъ правилъ нравственности къ дѣйствительной жизни. Если ребенокъ видитъ, что во всемъ образѣ жизни его родителей проглядываетъ, какъ и въ ихъ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ, та вѣра, которую они исповѣдуютъ, если онъ видитъ въ ихъ жизни прямые результаты ихъ набожности, человѣколюбія и самоотреченія, то благой примѣръ его родителей послужитъ и ему самому надежнымъ подспорьемъ въ его собственной жизненной карьерѣ—богатымъ наслѣдіемъ, уготовленнымъ для него родителями.

Профессоръ Гёксли указываетъ на неоцѣнимое значеніе для насъ Св. Писанія, которое заключаетъ въ себѣ лѣтопись человѣческихъ поколѣній въ теченіе многихъ вѣковъ, лѣтопись людей, оставившихъ слѣдъ своей кроткой жизни въ качествѣ членовъ нескончаемой вереницы человѣчества, заслужившихъ благодарность или проклятіе потомства, смотря по своимъ хорошимъ или дурнымъ дѣяніямъ. Но дѣти тѣхъ родителей, которые по своей справедливости и правдивости въ сношеніяхъ съ людьми и праведною своею жизнью могутъ быть названы избранниками Божіими, получаютъ отъ этихъ родителей болѣе богатое наслѣдіе, оберегающее ихъ отъ всего дурного—умѣніе понимать и цѣнить святыя истины, изложенныя въ Св. Писаніи.

Припомнимъ слова лорда Вилльяма Росселя, произнесенныя имъ передъ смертью на эшафотѣ: «Религіозное воспитаніе, полученное мною отъ родителей съ самаго ранняго моего дѣтства, оказало благотворное вліяніе на всю мою жизнь; даже и тогда, когда я забывалъ о тѣхъ правилахъ нравственности, которыя были мнѣ внушены родителями, эти правила какъ-бы преслѣдовали меня и предостерегали отъ многаго дурнаго въ жизни».

Въ заключеніе укажемъ на два примѣра, подтверждающіе вышесказанное. Многіе изъ лучшихъ, величайшихъ и умнѣйшихъ людей когда либо существовавшихъ, признавались, что они обязаны всему въ жизни своимъ матерямъ. Изъ числа такихъ людей назовемъ англійскаго короля Альфреда, Св. Людовика (французскаго короля); изъ художниковъ укажемъ на Франциа Миллье; изъ государственныхъ дѣятелей—на Вашингтона и Гарфильда; изъ писателей—на сэра Джонса и на Гёте. Исторія же указываетъ на два назидательные факта: матерью знаменитыхъ Гракховъ,—Тиберія и Кая Семпронія, была Корнелія, прекрасно воспитавшая ихъ и гордившаяся ими какъ наиболѣе цѣнными своими сокровищами; матерью же Нерона была извѣстная своими злодѣяніями Агриппина-младшая.

Не заглядывая, однако, такъ далеко въ исторію мы имѣемъ въ недалекомъ прошломъ,

какъ и въ наши дни, разительные примѣры вліянія матерей въ хорошую-ли или въ дурную сторону на своихъ юныхъ сыновей. Мы не хотимъ касаться тѣхъ ужасныхъ примѣровъ, которые можно было бы привести изъ исторіи, и говорить о тѣхъ матеряхъ, которыя недостойны называться этимъ святымъ именемъ; мы укажемъ лишь на тотъ вредъ, какой матери могутъ нанести своимъ дѣтямъ единственно только вслѣдствіе неумѣнія обуздывать свой характеръ и отъ отсутствія у нихъ серьезнаго сознанія своихъ обязанностей по отношенію къ своимъ дѣтямъ.

Трудно опредѣлить насколько было пагубно для всей жизни поэта то вліяніе, какое имѣлъ на Байрона вспыльчивый и своенравный характеръ его матери. Объ ней Лесли Стифенъ говоритъ слѣдующее: «Мать Байрона обращалась съ сыномъ, еще юношею, крайне непослѣдовательно; она то потворствовала его недостаткамъ, то обращалась съ нимъ незаслуженно жестоко. Она страдала ожирѣніемъ всего тѣла и была очень мала ростомъ, что, при ея напрасныхъ попыткахъ нападать на Байрона, который ловко вырывался изъ ея рукъ и заставлялъ ее напрасно бѣгать въ погоню за нимъ по комнатамъ, вызывало только насмѣшки сына. На замѣчаніе школьнаго товарища: «Твоя мать—истинная дура»! Байронъ откровенно отвѣтилъ: «Совершенно вѣрно—я

и самъ знаю, что она дура»! Одно изъ ея замѣчаній послужило, какъ говорятъ, основною мыслью для его трагедіи «The Deformed—Transformed.» Когда мать однажды назвала его «хромымъ чертомъ,» то онъ отвѣтилъ: «да, такимъ ты меня произвела на свѣтъ, матушка!» Въ 1806 г. во время ссоры съ сыномъ мать Байрона бросила въ него каминными щипцами и кочергой. Она врывалась въ его квартиру въ Лондонѣ, куда онъ уѣхалъ, желая скрыться отъ нея; тамъ у нихъ происходили крупныя ссоры, которыя заканчивались побѣдою сына надъ его освирѣпѣвшимъ врагомъ, т. е. надъ его матерью!«

Противоположный примѣръ являетъ мать Рёсскина, который всегда съ благоговѣніемъ отзывался о ней, говоря, что, благодаря ея попеченіямъ, онъ получилъ воспитаніе, основанное на высокихъ правилахъ разума и благочестія, правилахъ, можетъ быть, доведенныхъ даже до суроваго пуританизма. «Моя мать, говоритъ онъ, заставляла меня каждодневно заучивать на память цѣликомъ длинныя главы изъ Библіи; она заставляла меня, по крайней мѣрѣ разъ въ теченіе года, громко прочитывать сплошь всю Библію отъ книги Бытія до Апокалипсиса, не пропуская ни одного слова и произнося всѣ трудныя названія именъ и мѣстностей. Я могу смѣло утверждать, что, благодаря ея настояніямъ,

преисполненнымъ терпѣнія и непоколебимости, я не только получилъ всестороннее знакомство съ Св. Писаніемъ, что мнѣ въ жизни было весьма полезно, но, кромѣ того, пріобрѣлъ способность къ усидчивому труду и ту любовь къ изящной литературѣ и то пониманіе ея красотъ, которыми я теперь обладаю.»

Рёскинъ же упоминаетъ о томъ, что его мать требовала отъ него безпрекословнаго послушанія во всемъ, но при этомъ окружала его любящею и безграничною заботливостью и оберегала его отъ всего дурнаго. Онъ говоритъ о трогательныхъ заботахъ матери объ его умственномъ и нравственномъ воспитаніи; стараясь отвлечь его отъ различныхъ развлеченій, пагубныхъ для юношества, она окружала его дома всевозможными невинными и общеобразовательными удовольствіями. Карлейль, съ своей стороны, не менѣе краснорѣчиво восхваляетъ свою мать — шотландскую крестьянку. Однимъ словомъ, можно смѣло утверждать, что огромное большинство людей, прославившихся въ жизни, обязаны этому своимъ матерямъ, и, слѣдовательно, могутъ съ полнымъ правомъ повторить слова Карлейля: «Если мнѣ удалось совершить что-либо въ жизни, то лишь благодаря вліянію моей матери!»